

появления подобных семантико-синтаксических образований в английском языке на современном этапе его развития.

Рассмотренные в статье номинативные языковые единицы обладают конкретно-знаковыми и формально-грамматическими особенностями. Они охватывают ту часть языковых единиц, в которых проявляется функция обозначения внеязыковых сущностей. Данные сущности выражаются в лексических значениях, которые, в свою очередь, возникают на основе разнообразных вариаций в синтагматике. Таким образом, мы вправе говорить о функционально-семантическом единстве, присущем отдельным единицам морфологического, лексического и синтаксического уровней. При этом конкретно-знаковые особенности слова и словосочетания имеют значительный диапазон вариаций в современном английском языке, в зависимости от контекста, в котором они реализуются, что особенно характерно для языков преимущественно аналитической природы, в частности, английского.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гак В. Г. Грамматика и тип словаря // Слово в грамматике и словаре. — М.: Наука, 1984. — С. 42–50.
2. Шендельс Е. И. Совместимость / несовместимость грамматических и лексических значений // Вопр. языкознания. — 1982. — №4. — С. 78–82.
3. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. — М.: Прогресс, 1977.
4. Верба Л. Г. Синтаксическая идиоматика в современном английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — К., 1975.
5. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. — М.: Гос. учебно-педагог. изд-во Минпрос РСФСР, 1956.
6. Карцевский С. О. Об асимметрическом дуализме лингвистического знака // Звегинцев В. А. История языкознания XIX и XX вв. в очерках и извлечениях. — М.: Просвещение, 1965. — Ч. 2. — С. 85–90.
7. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. — М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1955.
8. Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове). — М.: Высш. школа, 1972.
9. Павлов В. М. Понятие лексемы и проблемы отношений синтаксиса и словообразования. — Л.: Наука, 1985.
10. Кубрякова Е. С. Глаголы действия через их когнитивные характеристики // Логический анализ языка. Модели действия. — М.: Наука, 1992. — С. 84–90.
11. Кубрякова Е. С. Номинативный аспект речевой деятельности. — М.: Наука, 1986.
12. Кубрякова Е. С. Особенности речевой деятельности и проблемы внутреннего лексикона // Человеческий фактор в языке и речи. Язык и порождение речи. — М.: Наука, 1991. — С. 82–140.
13. Квеселеви, Д. И. Интеграция словосочетания в современном английском языке. — К.: Вища школа, 1983.
14. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурный аспекты. — М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.

Л.В. ТРАКОВСКАЯ

СОРЕЙМОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЗНАЧЕНИЙ В ПРОТОЖИВНОВОЙ СИТУАЦИИ «НАРЕЧЕНИЕ РЕБЕНКА ИМЕНЕМ» (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКИХ ЛИЧНЫХ ИМЕН)

Современная когнитивная парадигма изучения языка, в которой, по словам Ю.И. Сватко, «язык Бытия уступает место языку Информации» [1: 49], ориентирована на решение той глобальной и сложной задачи, которая была сформулирована еще В. Гумбольдтом и которая заключается в том, чтобы «исследовать функционирование языка в его широчайшем объеме — не просто в его отношении к речи и к ее непосредственному продукту, набору лексических элементов, но в его отношении к деятельности мышления и чувственного восприятия» [2: 75]. Ориентация семантических изысканий на поиски заключенного в языковой единице глубинного смысла, существующего «в человеке и для человека» [3: 58], позволяет проникнуть в структуру концепта, наличие которого лежит в основе и объясняет называние вещей и объектов закрепленными за ними в лексической системе языка именами, описать идею, а не просто чувственный образ объекта [4].

Проводя семантический анализ языковой единицы, следует исходить из того, что ее природа определяется очень сложной и подвижной совокупностью множества факторов, которые в наиболее общем виде можно свести к следующим:

- **онтологические** (экстралингвистические) факторы, обусловленные объективной природой отображаемой в мысли и языке реальности;
- **концептуальные** факторы, обусловленные закономерностями отображения объективного мира сознанием человека;
- **языковые** (лингвистические) факторы, обусловленные собственными закономерностями, действующими в человеческом языке [5: 39,49].

Исследование влияния вышеназванных факторов на семантическую структуру языковой единицы может пролить свет на природу как языка в целом, так и его отдельных категорий. При этом сделать определенные выводы о закономерностях функционирования языка как целостной системы можно на основе детального исследования фрагмента этой системы. В качестве последнего нами избрана ономастическая лексика, в частности, ее конкретный разряд — антропонимия.

Обращение к имени собственному (личному) в данной статье не случайно, поскольку анализируемая языковая категория в силу своего пограничного положения в системе языка может послужить чрезвычайно интересным эмпирическим материалом при рассмотрении вопроса о том, как в семантике языковых единиц отражается концептуальная картина мира как «целостный глобальный образ мира, являющийся результатом всей духовной активности человека и возникающий у последнего в ходе всех его контактов с миром» [6: 19-20].

Маргинальное положение личного имени (далее — ЛИ) в языковой системе обусловлено двойственностью функциональной природы антропонима, которая проявляется в том, что, с одной стороны, ЛИ — слово, лингвистический знак и, как все слова, подчиняется законам функционирования языка как семиотической системы. С другой стороны, имя, замещая своего носителя в ряде ситуаций, становится как бы полноправным представителем человека-личности в обществе и тем самым приобретает онтологический статус в социуме. Следовательно, помимо чисто языковых характеристик оно обладает также огромными социальными и экономическими правами. Это дает основание квалифицировать его как особый, специфический *социальный знак*, в котором действия социальных и внутрilingвистических причин сложно переплетаются. Иными словами, применив к определению функциональной природы личного имени сравнение С.А. Жаботинской¹, можно сказать, что личное имя, подобно двуликтому Янусу, одной своей ипостасью обращено в мир обыденного языка, а другой — в мир этнографии, в мир правовых, социально-психологических, эстетических и т.п. процессов, происходящих в обществе на определенном этапе его развития.

Антропонимы, таким образом, являясь необходимым элементом человеческого общения и культуры в целом, представляют собой социально-исторические образования, которые возникли и функционируют в конкретных пространственно-временных и социальных рамках. Именно поэтому они обладают огромными культурогенными возмож-

¹ Данное сравнение применяется С.А. Жаботинской при определении ею функциональной природы числительного как языковой категории. Рассматривая структуру представления знаний в концепте числового имени, исследователь отмечает, что, «подобно двуликтому Янусу, имя числа обращено одной своей ипостасью в мир обыденного языка, а другой — в мир строгой математической терминологии, в мир автономной числовой системы, которая эксплицируется и словом, и цифровым знаком» [7: 125].

ностями, и заключенная в них социокультурная информация позволяет реконструировать на их основе этнографические и культурно-исторические реалии. Это становится возможным, если рассматривать процесс создания личных имен как своего рода разновидность кодирования исторических и социокультурных знаний, как один из «способов сохранения традиции во времени» [8].

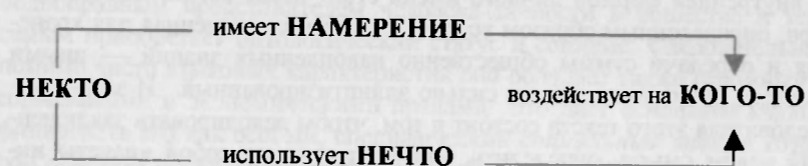
Все сказанное выше позволяет определить личное имя как элемент социокода определенного социума, т.е. «социальный ген» (термин М.К. Петрова — см. [9: 36]), выступающий посредником при передаче общественного опыта деятельности (в т.ч. общения), как своеобразную точку преломления когнитивных потенций определенного этноса как коллективной личности и языковых форм и средств актуализации этих потенций. В чисто лингвистическом плане это означает, что за внутренней формой личного имени стоит некая когнитивная структура, определенным образом устроенная и предназначенная для хранения и передачи суммы общественно накопленных знаний — иными словами, стоит текст, хотя и сильно эллиптизированный. И задача исследователя этого текста состоит в том, чтобы декодировать заключенный в нем смысл, определить, что представляют собой «пакеты информации», с которыми соотносимы личные имена как языковые единицы, а также смоделировать ментальные процессы, сопутствующие наречению ребенка именем. Попытаемся найти ответы на поставленные вопросы.

Современные семантические исследования исходят из того, что центрами концентрированного представления знаний о том, как связаны между собой различные предметы и явления, каким образом они используются и как они друг с другом взаимодействуют, являются *фреймы*. Фрейм, таким образом, представляет собой наиболее значимый тип структуры представления знаний в семантике естественного языка на том основании, что в нем отражены приобретенные в результате предыдущего опыта знания о некоторой стереотипной ситуации и о тексте, который описывает эту ситуацию [10: 47]. Фрейм является универсальной категорией, объединяющей разнообразные знания человека и его опыт, и в наиболее общем виде Ч. Филлмор определяет его как набор слов, каждое из которых обозначает определенную часть или аспект некоторого концептуального или акционального целого [11: 54]. Иными словами, фрейм — это система концептов, соотносимых таким

образом, что для того, чтобы понять любой из этих концептов, надо понять всю структуру, в которую входит тот или иной концепт [12: 7].

С учетом данного определения можно предположить, что совокупность личных имен, традиционно именуемая антропонимической системой народа, — это своего рода единый фрейм интерпретации действительности, т.е. концептуальный континуум семантического бытия реального мира предметов и явлений, разворачивающийся в конкретных пространственно-временных и социальных рамках и отражающий состояние развития определенного социума и его языковых и культурных контактов, мир его аксиологических ценностей на данном этапе развития. При этом концептуальную схему, положенную в основу данного фрейма, можно представить следующим образом:

Схема 1.

Как видим, прототипическая ситуация «наречения ребенка именем» состоит в том, что некое лицо (НЕКТО) — имядатель, желая идентифицировать новорожденного (КОГО-ТО) как уникального в своем роде индивида-личность (процесс индивидуализации) и одновременно посвятить его в члены (со)общества (процесс введения в ряд подобных), и таким образом преследуя определенное НАМЕРЕНИЕ, нарекает ребенка именем (НЕЧТО), которое в данном случае становится *инструментом* выполнения действия.

При этом важным, на наш взгляд, является тот факт, что образ имядателя [НЕКТО] следует рассматривать в двух плоскостях. С одной стороны, это *конкретный человек* (люди) — родители новорожденного, и акт наречения ребенка именем — это манифестация их воли и желаний. Однако с другой стороны, каким бы индивидуальным выбор имени ни казался на первый взгляд, он социально обусловлен, поскольку *общество как коллективная личность* диктует свои требования к этому выбору, обуславливает его системой сложившихся в нем самом социально-экономических условий, морально-этических представлений, духовных ценностей. Проиллюстрируем данную мысль на примере от-

дельных аспектов становления и функционирования английской антропонимической системы.

Так, поворотным пунктом в формировании системы ЛИ у англичан стал XI век, а именно — норманнская политика Вильгельма Завоевателя, в результате которой всего за 36 лет норманнские личные имена (в том числе и офранцузенные германские антропонимы, например, такие мужские имена, как *Arnold, Aubrey, Bernard, Emmer, Geoffrey, Gerald, Hubert, Ralph, Richard, Robert, Roger, Walter, William* и др., женские имена — *Genevieve, Mathilda, Millicent, Rosamond* и т.п.) почти полностью вытеснили древнеанглийские имена среди знати и горожан: к примеру, в конце XII века 44% мальчиков носили имена *William, Robert* и *Ralph*. В то же время библейские имена, несмотря на начавшийся еще в VII веке процесс христианизации Англии, не получили еще значительного распространения: так, в XII веке библейское имя *John* занимало лишь пятое место в рейтинге наиболее популярных мужских имен. Однако с 1550 по 1800 годы данный антропоним уже входил в тройку самых употребительных мужских имен наряду с именами *William* и *Thomas*. Связано это с тем, что после выхода в свет в 1382–1384 г.г. перевода Библии на английский язык, выполненного Д.Виклифом, а также после введения в Англии в 1538 г. обязательной регистрации новорожденных, получавших при крещении имена и фамилии, церковь добилась более широкого и интенсивного использования канонических христианских имен [13: 40–41; 14: 399–400].

Еще одним примером зависимости индивидуального выбора имени от антропонимических традиций общества как коллективной личности может быть влияние Реформации (1534 г.) на антропонимическую систему англичан. В результате данного социально-политического движения, принявшего в странах Западной Европы форму борьбы против католической церкви, небиблейские имена святых попали в опалу, и в конце XVI века такие имена, как *Agnes, Barbara, Catherine, Basil, Chrictopher, Denis, Martin, Valentine* и др. стали редко встречаться. В то же время широкое распространение получили имена из Ветхого Завета: *Amos, Benjamin, David, Elijah, Hannah, Jacob, Joseph, Judith, Samuel, Sarah, Susan*(na) и др.

Рассматривая образ именуемого [КОГО-ТО] в предложенной концептуальной схеме (см. схему 1), следует отметить, что он, так же как и образ имядателя, не является гомогенным по своей природе, поскольку через акт наречения именем конкретного ребенка происходит

воздействие и на общество в целом, а именно на его антропонимические вкусы и традиции. Иными словами, речь здесь идет о том, что помимо до-антропонимического (этимологического) значения имени, которое на современном этапе его функционирования может быть затемненным и, следовательно, не играть особой роли при выборе имени, и его собственно-антропонимического («паспортного», чисто референтного — «вот этот человек») значения отдельные имена могут приобретать так называемое от-антропонимическое значение¹. Данное значение является производным от одного из носителей и связано с комплексом индивидуальных или общественных ассоциаций — например, называние ребенка по имени святого, с днем празднования которого совпадают его крестины; наречение детей именами видных общественных деятелей, деятелей искусств, литературных героев и т.п.; или наоборот, отказ от тех или иных имен в связи с негативными ассоциациями, вызванными деятельностью конкретной личности (например, резкое падение популярности старинного германского имени *Adolph*, этимологически обозначающего «благородный волк» после второй мировой войны в результате ассоциации с именем А.Гитлера).

Возвращаясь к общей концептуальной модели, положенной в основу фрейма, представляющего прототипическую ситуацию «наречения ребенка именем», отметим, что, по сути, предложенная модель отражает в трансформированном для конкретной ситуации виде общую концептуальную модель процесса познания с его диалектикой взаимодействия субъекта и объекта познания: субъект познания (НЕКТО) направляет свою когнитивную (познавательную) деятельность на объект познания (КОГО-ТО). Процесс этот опосредован наличием третьего — (НЕЧТО), в роли которого выступает Имя как инструмент и одновременно результат познания. Познавательный акт при этом рассматривается как интенциональный акт — процесс, обусловленный намерением субъекта, преследующего определенную цель.

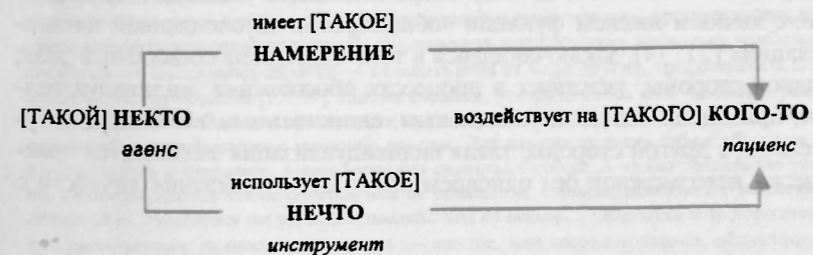
В лингвистическом плане, с учетом рассмотрения личного имени как свернутого национально-культурного текста, за внутренней формой которого стоит в закодированном виде сложное взаимодействие личности автора (продюцента) текста — имядателя и личности получателя (реципиента) имени — ребенка, в ситуации наречения ребенка именем

¹ В данном случае мы воспользовались терминологией, предложенной В.А. Никоновым [15]. Ср. также в этой связи мысль А. Гардинера о так называемых «воплощенных» и «развоплощенных» собственных именах [16].

проявляется как фактор адресанта (его принадлежность к определенному социальному слою, общий уровень культурного развития и т.п.), так и фактор адресата — того, для кого это имя предназначено. Таким образом, антропоним как текст, который, в свою очередь, можно рассматривать в двух плоскостях — как феномен действительности (культуры) и как способ ее отражения [12: 11], обладает онтологическим статусом, связывая два крайних полюса коммуникативного (шире — познавательного) акта — автора и реципиента [17: 10]. При этом автор имени-текста (НЕКТО), получатель имени-текста (КОГО-ТО) и ИМЯ-текст как своеобразный мостик, связующее звено между ними наделены определенными ролями — иными словами, являются актантами концептуального поля, разворачивающегося в рамках фрейма «наречения ребенка именем». Рассматриваемый фрейм формируется путем установления реляций между актантами (субъектами), объединенными в рамках стандартной ситуации. Поэтому, обозначив последние в терминах теории глубинных семантических падежей Ч. Филлмора, можно предположить, что имядатель (автор имени-текста) — это АГЕНС, который посредством имени как ИНСТРУМЕНТА выполняет действие над ПАЦИЕНСОМ, в роли которого выступает ребенок, нарекаемый этим именем. При этом выбор имени как инструмента выполнения действия над КЕМ-ТО подчинен определенному НАМЕРЕНИЮ (цели) автора имени-текста.

Информация, с помощью которой исследователь-интерпретатор имени-текста декодирует заключенный в данном имени смысл, сконцентрирована в «узлах» данного фрейма — концептуальных слотах [ТАКОЙ], в рамках которых становится эксплицитной атрибутивная (в широком смысле) зона каждого из актантов. Поэтому в расширенном виде приведенная выше концептуальная схема может быть представлена следующим образом:

Схема 2.

Слоты [ТАКОЙ] содержат информацию, «снятую» с разных концептуальных плоскостей — онтологической (знание о мире — как материальном, так и духовном), аксиологической и модальной (оценка мира субъектом и модус его сознания), лингво-прагматической (знание канонов языковой коммуникации) [18: 50]. При этом объем, равно как и содержание наполняемости данных концептуальных узлов обнаруживает определенную зависимость от статуса, который личное имя как лингво-социальный знак имеет в рамках той или иной культурной традиции.

Так, в *современном демифологизированном обществе*, основанном на абстрактно-логическом, рационально-рассудочном мышлении, имя собственное как член классификационной системы номинации выполняет основную *назывательную* функцию, реализующуюся в двух аспектах:

- дистинктивном (выделяющем индивида из коллектива) и
- интеграционном (объединяющем носителей одного имени в общий класс) [19: 6].

При этом множество одноименных объектов не обладают никакими схожими свойствами кроме общего имени собственного. Другими словами, антропонимическая (шире — ономастическая в целом) лексика наглядно демонстрирует ситуацию, при которой, в терминологии Р. Якобсона, «код направлен сам на себя» («code referring to code») [20: 96]. Поэтому прототипическую ситуацию наречения ребенка именем, релевантную в условиях современного абстрактно-логического сознания, можно представить с помощью концептуальной схемы 3 (см. стр. 28).

Как видно из приведенной схемы, прагматическая зона рассматриваемого фрейма реализуется в слоте [ТАКОЙ], определяющем намерение (интенцию) имядателя. Заполняемость данного слота в контексте абстрактно-логического сознания ограничивается указанием на выполнение личным именем функции «общественно обусловленной идентификации» [21: 14], заключающейся в том, что ЛИ как социальный знак, с одной стороны, участвует в процессах обособления индивидуализации, признания человека уникальным, единственным в своем роде существом; с другой стороны, такая индивидуализация оказывается практически невозможной без одновременного отождествления личности с

другими членами социума, для которых она и является личностью¹. «Я» и «другой» — две стороны единого акта самосознания и невозможны друг без друга, утверждает Ю.М. Лотман, и «выделение индивидуальности, самобытности отдельной личности как основы ее ценности для «другого» и «других» (и связанное с этим использование собственных имен) является наиболее резким проявлением человеческой природы» [24: 54].

Рассматривая параметры слота [ТАКОЙ], характеризующего инструмент выполнения самого действия, т.е. само *имя*, мы неизбежно должны оговорить двойственную природу этого инструмента, являющегося, с одной стороны, социальным знаком — своеобразным паролем общественного человека-личности в социуме, с другой же, представляющим собой языковой знак с присущим ему единством означающего и означаемого (формы и содержания). При этом в современном демифологизированном обществе личное имя как мотивированный социальный знак в чисто лингвистическом (семантическом) плане, т.е. как языковое имя-знак, будучи простым либо сложным (двухкомпонентным) по структуре и выполняя чисто номинативную функцию, содержательно является условным, конвенциональным знаком, внутренняя, глубинная структура которого лишь в редких случаях ассоциируется с возможными свойствами своего референта (см., например, следующие мужские имена: *Ranger* — «лесничий королевского парка», *Royal* — «королевский», *Duke* — «герцог», *Loyal* — «преданный, верный», *Winsome* — «привлекательный, обаятельный» и др., женские имена: *Buttercup* — «лютик», *Dittany* — «ясенец белый», *Jonquil* — «нарцисс Жонкиль», *Emerald* — «изумруд», *April* — «апрель», *Amity* — «дружба», *Bliss* — «блаженство, счастье», *Charity* — «милосердие»,

¹ Процессы отождествления (введения в ряд подобных) и обособления (индивидуализации) осуществляются в течение всей жизни индивида как общественного человека-личности. При этом дифференциация является фундаментальным организующим принципом процесса конструирования «Я» человека как «максизнака», поскольку наиболее рациональное в построении самости — отделить себя от мира других, предотвратить погружение в трясину общего» [22: 77]. Иными словами, утверждая свое «Я», человек стремится к обособленности. Однако, практически трудно утвердить эту обособленность без одновременной идентификации с чем-либо другим. Для отождествления себя с объектом, «Я» должно искать и открывать в нем элементы сходства с собой. А чтобы сделать это успешно, личность должна также обособиться от остальных. Словом, реализация человека как личности «...усвоается им через взаимодействие со всеми...! Общество есть дополненная, или расширенная, личность, а личность — сжатое, или сосредоточенное, общество» [23: 285-286].

Delight — «восторг, восхищение», *Grace* — «милость, милосердие», *Hope* — «надежда», *Prudence* — «благоразумие, предусмотрительность» и др.) При этом выбор родителями имени для ребенка диктуется не верой в возможность повлиять через имя на его судьбу, а зачастую лишь желанием дать новорожденному благозвучное или модное имя. Мода на имена, в свою очередь, формируется под влиянием определенных социально-политических и культурных факторов развития общества (к примеру, называние ребенка именами крупных политических деятелей, популярных звезд кино или эстрады, известных родственников и т. п.) Однако все вышеперечисленные факторы не имеют ничего общего с наивной верой далеких предков в магические свойства имени (слова вообще). Именно эта вера и предопределила те особенности концептуальной модели именования, которая сложилась в рамках мифопоэтического сознания, характерного для англо-саксонской культурно-исторической традиции.

Мифологическое (магическое, мифотворческое) мышление представляет собой особого рода мироощущение, образное, чувственное представление о явлениях природы и общественной жизни в условиях творения в воображении или при помощи воображения иной действительности — субъективной и иллюзорной [25: 15]. В контексте этого сознания формируется установка последнего на тождество или внутреннюю связь имени и его носителя и, как результат, происходит отождествление имени (слова вообще) и денотата. Наречение именем ребенка принимает форму отгадывания сущности последнего¹. Имя как бы заменяет его обладателя, и на этом принципе основана словесная магия, при которой через имя оказывается воздействие на человека-личность, носящего данное имя. Имя становится своеобразным знаком-символом личности, оно отражает смысл, внутреннюю «самость» последней как единство многообразных форм ее проявления.

Важным следствием типичного для мифопоэтического сознания отождествления имени и природы его носителя явилась *креативная* функция называния [19: 8], сопологающая процессы созидания и номинации. Выполняя креативную, созидательную функцию, имя, по по-

¹ Так, В.В. Иванов ссылается на традиционное восприятие имени как части человека в древнем Вавилоне: здесь называние именем приравнивалось к акту творения. Исследователь указывает на древние тексты, в первую очередь, ведийские, в которых имя представляло собой «священную часть существа» [26: 88]. Отсюда — возможность понимания первого элемента в индоевропейском слове для имени *p-omen как «в. внутри» [27: 510].

верьям древних людей, оказывало активное воздействие на индивида, формировало его как личность, определяло его судьбу, т.е. было первичным по отношению к своему референту.

С учетом вышесказанного, концептуальная схема прототипической ситуации именования, релевантная для мифопоэтической культурно-исторической традиции, модифицируется (см. схему 4 на стр. 29). В данной схеме заполняемость слотов [ТАКОЙ] каждого из актантов рассматриваемого концептуального фрейма обладает рядом существенных особенностей, обусловленных, в первую очередь, тем, что характеристики объекта, заключенные в слоте [ТАКОЙ] пациенса, относятся к сфере виртуального, возможного, а не реального, онтологически данного. Они отражают черты нарекаемого именем ребенка, желаемые с точки зрения родителя-имендателя, а не те, которыми ребенок обладает на самом деле. Таким образом родители реализуют посредством имени свою творческую установку на создание гармоничной физически и морально личности именуемого. Именно этим обусловлена высокая продуктивность в составе апеллятивных основ английских личных имен древнегерманского происхождения таких компонентов, как *beorht* — «яркий → знаменитый» /21/, *aethle* — «благородный» /21/, *gise* — «богатый → могучий» /16/, *hart* — «сильный» /7/, *beald* — «смелый» /7/, *mund* — «защита» /14/, *hrod* — «слава» /5/, *sige* — «победа» /5/, *gaed* — «совет» /7/, *ead* — «имущество, богатство → счастье» /6/, *wine* — «друг» /17/, *god* — «бог» /10/, *aelf* — «эльф» /7/¹ и др. Личные имена, в семантической структуре которых реализованы вышеназванные компоненты, ассоциировались, как правило, с представителями высшей ступени социальной иерархии. Подтверждение тому — генеалогическое дерево англо-саксонских королей, в котором вплоть до 1066 года (и реже — в более поздние периоды) господствовали имена древнегерманского происхождения, апеллятивные основы которых восходят к компонентам, отражающим круг аксиологических ценностей той культурно-исторической традиции [см. 28: 411-415]:

Egbert (802-839)	— «меч + яркий»
Aethelwulf (839-856)	— «благородный + волк»
Aethelbald (856-860)	— «благородный + смелый»
Aethelbert (860-866)	— «благородный + яркий»
Aethelred (866-871)	— «благородный + совет»
Alfred (871-899)	— «эльф + совет»

¹ В скобках указывается продуктивность указанных компонентов в составе апеллятивных основ английских антропонимов рассматриваемой группы.

Edward the Elder (899-924)	— «владение, богатство + страж»
Aethelstan of England (924-939)	— «благородный + камень»
Edmund (939-946)	— «владение, богатство + защита»
Eadred (946-955)	— «владение, богатство + совет»
Edwy (955-959)	— «владение, богатство + друг»
Edgar (959-975)	— «владение, богатство + копье»
Edward the Martyr (975-978)	— «владение, богатство + страж»
Aethelred the Unready (978-1016)	— «благородный + совет»
Harold I (1035-1040)	— «армия + править, управлять»
Edward the Confessor (1042-1066)	— «владение, богатство + страж»
Harold II (1066)	— «армия + править, управлять» ¹

Как видим, слот [ТАКОЙ] пациенса, представляющего верхушку англосаксонского общества, содержит информацию, снятую в основном с аксиологической и модальной плоскостей. Информационное заполнение слота [ТАКОЙ] пациенса — коллективного представителя низших ступеней социальной лестницы, в большей мере отсылает нас к онтологической сфере — к знаниям о материальном мире того периода. Декодирование информации, заключенной в данном слоте, позволяет исследователю заполнить слот [ТАКОЙ] агенса-имядателя, поскольку в нем отражены особенности каждодневного быта родителей ребенка — их место жительства, социальный статус, этническая принадлежность или род занятий. Так, называя мальчика, например, *Marmion* («тот, кто живет у озера, пруда»), *Manley* («тот, кто живет у луга, находящегося в общем пользовании»), *Denton* («тот, кто живет в городе, расположенном в долине»), *Atwell* («тот, кто живет у колодца»), *lance* («житель у болот»), *Calvert* («пастух телят»), *Calderon* («тот, кто изготавливает котлы»), *Millard* («мельник»), *Walcot* («хижина валлийца — древнего бритта, имевшего статус крепостного, раба»), *Charlton* («город, поселение свободного человека — керла»), *Eyre* («наследник»), *Nevin(s)*

¹ Период с 1016 по 1035 г.г. ознаменовался правлением короля датского происхождения Кнута (Cnut), имя которого происходит от древнескандинавского *Knutr* - букв. «человек знатного, благородного происхождения» [13: 87]. Имя потомка Кнута — короля Хартакнута (Harthacnut), правившего с 1040 по 1042 г.г., представляет собой своеобразный интерлингвистический композит, составными частями которого выступают первый элемент с неясной этимологией (предположительно, восходящий к древнеанглийскому *hart* — «твердый, сильный») и имени предка — короля Кнута. Данные имена — достаточно убедительные свидетельства взаимопроникновения двух культур — англосаксонской и скандинавской, а следовательно того, что в сфере антропонимов лингвистические и экстралингвистические факторы действительно вступают в тесное взаимодействие, обуславливая факт функционирования личных имен как своеобразного «зеркала» социально-экономической истории и культуры народа.

(«племянник»), *Haldane* («полудатчанин»), *Scot* («шотландец»), родители в имени ребенка отражали реалии своей повседневной жизни, составлявшие их главную заботу.

Семантика апеллятивных основ антропонимов данной группы содержит также отдельные личные имена родителей ребенка, некоторые из которых указывают на личностные качества их обладателей. Так, интерпретация имени *Hastings* — «сын человека по имени Хаста» — даст возможность установить личность самого имядателя, поскольку древнеанглийское имя *hæsta* восходит к апеллятиву *hæst* — «яростный, вспыльчивый». Современное имя *Graham* — двухкомпонентный антропоним со значением «дом, жилище человека по имени Гранта», где *Granta* — ЛИ со значением «ворчун» или «зубоскал». Имя *Washington* этимологически складывается из компонентов *Wassa* (личное имя) + *tun* (город, поселение), при этом личное имя представляет собой уменьшительно-ласкательную форму древнеанглийского существительного *hunl* — «охота».

Подводя итог всему изложенному выше, можно сказать, что возможность взаимного корректирования лингвистических и культурно-исторических данных на основе изучения семантики апеллятивных основ антропонимов создает чрезвычайно благоприятные условия для комплексного изучения языка и культуры. В свою очередь, определяя культуру как «реализацию в земных условиях особого, высшего и последнего по времени модуса бытия — сознания, духа» [29: 70], мы тем самым получаем возможность проинтерпретировать само сознание как «значимый конституент бытия» [1: 67] и через его интерпретацию определить, какие когнитивные структуры стоят за процессом наречения ребенка именем и как эти структуры представлены в семантике личных имен как языковых единиц. При этом, приняв мысль о том, что каждый антропоним — это также и социальный знак общественного человека-личности, мы через интерпретацию семантической структуры рассматриваемой лингвистической категории можем сделать попытку выйти в концептуальные сферы бытия общества на определенном этапе его развития, смоделировав социальный стереотип представителей различных слоев этого общества.

Схема 3.

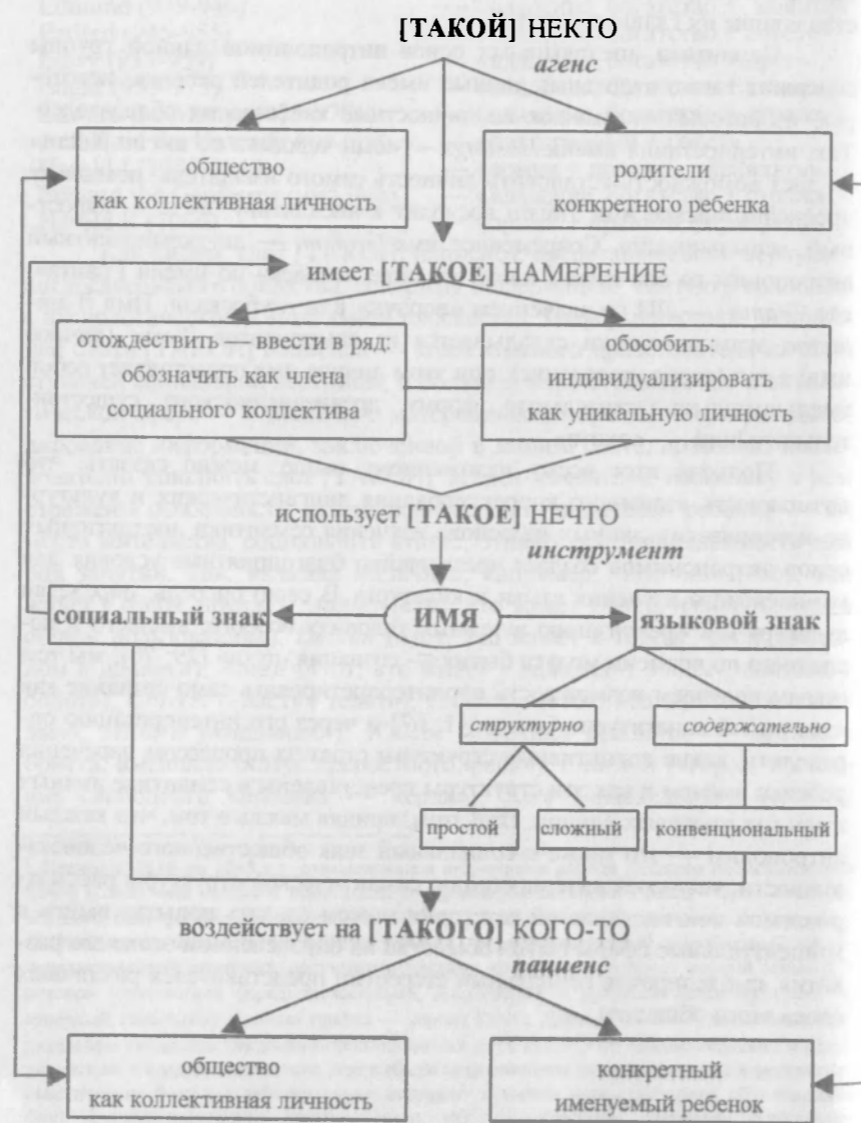
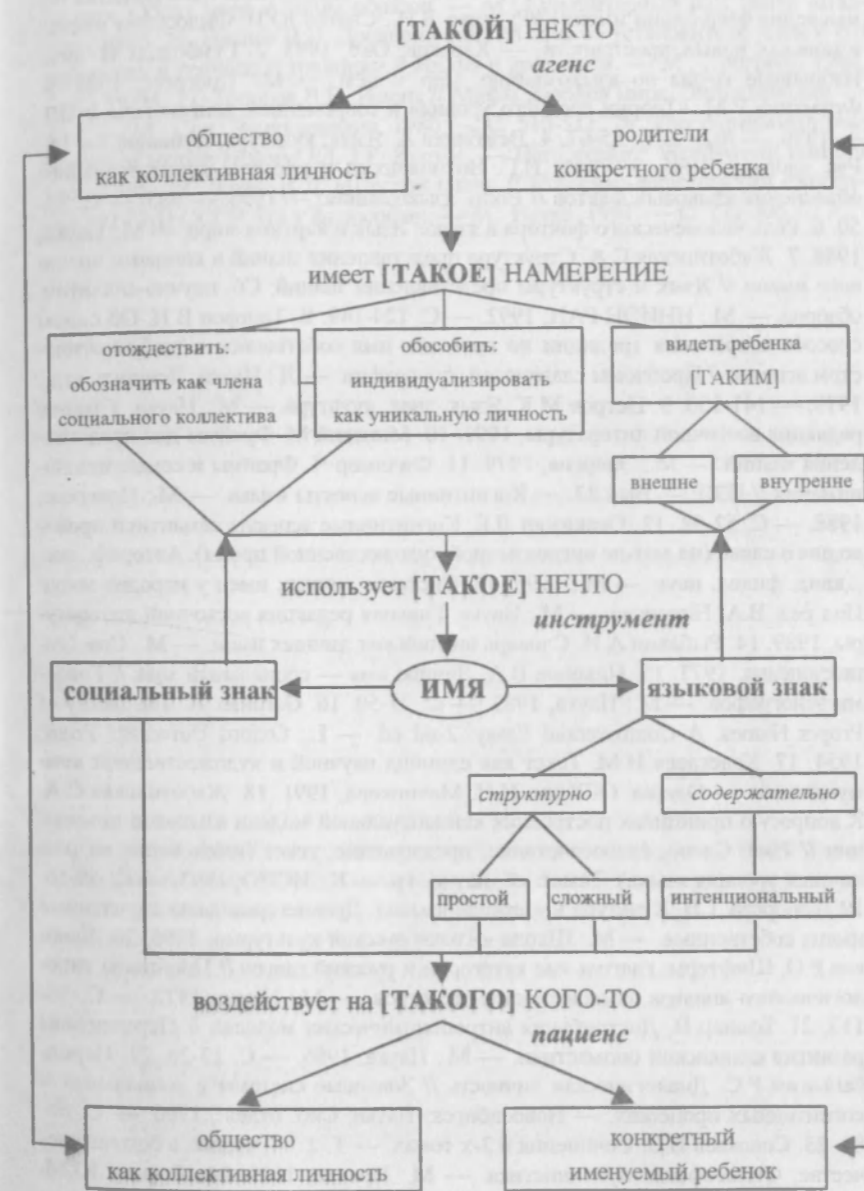

Схема 4.

ИМЕНА

1. Сватко Ю.И. Мир имени: явленность смысла (Еще одна попытка осмысления философии имени) // Руденко Д.И., Сватко Ю.И. Философия имени: в поисках новых пространств. — Харьков: Око, 1993.
2. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию: Пер. с нем. — М.: Прогресс, 1984.
3. Фрумкина Р.М. «Теории среднего уровня» в современной лингвистике // ВЯ. — 1996. — №2. — С. 55-67.
4. Вежбицка А. Язык, культура, познание. — М.: Рус. словари, 1996.
5. Рузин И.Г. Возможности и пределы концептуального объяснения языковых фактов // Вопр. языкознания. — 1996. — №5. — С. 39-50.
6. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. — М.: Наука, 1988.
7. Жаботинская С.А. Структура представления знаний в концепте числового имени // Язык и структуры представления знаний: Сб. научно-аналитич. обзоров. — М.: ИНИОН РАН, 1992. — С. 124-149.
8. Топоров В.Н. Об одном способе сохранения традиции во времени: имя собственное в мифопоэтическом аспекте // Проблемы славянской этнографии. — Л.: Наука, Ленингр. отд., 1979. — С. 141-150.
9. Петров М.К. Язык, знак, культура. — М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991.
10. Минский М. Фреймы для представления знаний. — М.: Энергия, 1979.
11. Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // НЗЛ. — Вып. 23. — Когнитивные аспекты языка. — М.: Прогресс, 1988. — С. 52-92.
12. Овакимян Л.Б. Когнитивные аспекты семантики производного слова (на мат-ле англоязычной художественной прозы): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 1995.
13. Системы личных имен у народов мира / Под ред. В.А. Никонова. — М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1989.
14. Рыбакин А.И. Словарь английских личных имен. — М.: Сов. Энциклопедия, 1973.
15. Никонов В.А. Личное имя — социальный знак // Глазами этнографов. — М.: Наука, 1982. — С. 27-50.
16. Gardiner A. The theory of Proper Names. A Controversial Essay. 2-nd ed. — L.: Oxford University Press, 1954.
17. Колегаева И.М. Текст как единица научной и художественной коммуникации. — Одесса: ОГУ им. И.И. Мечникова, 1991.
18. Жаботинская С.А. К вопросу о принципах построения концептуальной модели языковой номинации // Имя: Слово, словосочетание, предложение, текст (именование на различных уровнях языка): Темат. сб. научн. тр. — К.: ИСИО, 1993. — С. 48-56.
19. Топорова Т.В. Культура в «зеркале языка»: Древнегерманские двучленные имена собственные. — М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.
20. Якобсон Р.О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя. — М.: Наука, 1972. — С. 95-113.
21. Бланар В. Дистрибуция антропонимических моделей // Перспективы развития славянской ономастики. — М.: Наука, 1986. — С. 13-20.
22. Перинбаньягам Р.С. Диалогическая личность // Знаковые системы в социальных и когнитивных процессах. — Новосибирск: Наука. Сиб. отдел., 1990. — С. 66-84.
23. Соловьев В.С. Сочинения в 2-х томах. — Т. 2. — Чтение о богочеловечестве; Философская публицистика. — М.: Правда, 1989.
24. Лотман Ю.М.

25. Культура и взрыв. — М.: Гнозис; Изд. группа «Прогресс», 1992.
26. Маковский М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов. — М.: Гуманитарный изд. центр «Владос», 1996.
27. Иванов В.В. Древнеиндийский миф об установителе имен и его параллель в греческой традиции // Индия в древности. — М.: Прогресс, 1964. — С. 85-94.
28. Топоров В.Н. Имена // Мифы народов мира. Энциклопедия. — Т. 1. — М.: Сов. Энциклопедия, 1980. — С. 510-511.
29. The Wordsworth Dictionary of British History / Ed. J.P. Kenyon. — Hertfordshire: Wordsworth Editions Ltd., 1996.
30. Левин И.Д. «Шестой план» // Историко-философский ежегодник '91 / АН СССР. Ин-т философии. — М.: Наука, 1991. — С. 271-306.